

<БЕЗ ПОДПИСИ>

Анархизм и политика

Нам не раз приходилось читать, будто бы анархисты отрицают политическую борьбу. Откуда могло сложиться подобное мнение? Факты, напротив, доказывают, что в современной Европе только анархисты ведут революционную борьбу с государством и его представителями, а государство ведь учреждение политическое *par excellence**.

Во Франции пал под ударом кинжала анархиста Казерио президент республики Карно; анархист Вальян взорвал бомбу в палате депутатов; анархисты с бланкистами разгоняли буланжистов в тот момент, когда последние с их опереточным героем собирались совершить государственный переворот. Они же, анархисты, палочными ударами разгоняли монархистов, клерикалов и тайных агентов военного министерства, грозивших низвергнуть республику, истребить, заключить в тюрьмы Золя, Клемансо, Бриссона и других политических и общественных деятелей. — Президент, палата, государственный переворот... всё это, кажется, из области политики, а не метафизики.

В Испании анархисты устраивают всеобщие стачки, строят баррикады, дерутся с вооруженной полицией, с войсками; анархист Анжелило застрелил главу реакционного министерства Кановаса в его собственном кабинете, и пораженная реакция пошла на политические уступки обществу. Баррикады, борьба с войсками, поражение правительства — опять-таки события политические и прямо революционные. По крайней мере, до сих

* По преимуществу.

пор история и общественные науки подобную борьбу всегда называли политической и революционной.

Говорить ли об анархистах Италии? Не они ли положили конец деспотической и грабительской политике Гумберта и Криспи? Разве трагедия в Монца¹ была любовная, а не политическая? И Бреши, убивая короля, совершал разве не политический акт?

Факты сами за себя говорят. Президенты, короли, министры, падающие под ударами анархистов, во всем мире считаются представителями, воплощениями политики и политического строя. Каким же образом могла сложиться вздорная сказка, что анархисты, бесстрашно нападающие на глав и правителей политического государства, отрицают политическую борьбу? Не только анархисты не отрицают политическую *революционную* борьбу, а за последние тридцать лет в Европе только анархисты и вели революционную пропаганду, как в печати и в рабочих организациях, так и прямыми нападениями на капитализм путем всеобщих стачек, на государство — местными бунтами и выше приведенными фактами из политической жизни Франции, Испании, Италии. В современной Европе — кроме России и Балканского полуострова — существует только одна революционная партия, — это анархисты-коммунисты, и только одна она ведет революционную борьбу с государством и с капитализмом одновременно.

Правда, существуют десятки и сотни тысяч людей, именующих себя революционерами, хотя ни одного революционного акта ими не было совершено ни индивидуально, ни группами, ни в массе. Например, социал-демократы во всей Европе любят декламировать на тему «революция», «революционная борьба», «борьба с оружием в руках»... Но если вы, по простоте душевной, попросите их оружие, они вам торжественно подадут билетик для подачи голоса при выборах. Ежели полюбопытствуете относительно революционной тактики, — вам укажут на законодательную деятельность в парламенте с обязательной *присягой* на верность существующему государственному и социальному строю. У добрых людей подобный метод борьбы назывался легальным и мирным парламентаризмом, которым одинаково пользовались все политические партии, *кроме революционной*. Мирный легализм и революция — понятия, взаимно отрицающие друг друга. Честный человек не может, не станет присягать на верность системе и учреждениям, против которых он намерен бороться революционным путем, с оружием в руках. А раз присягнув, он не захочет нарушить клятвы и станет фактически

лояльным и мирным подданным. Мирными и лояльными стали, действительно, социал-демократы повсюду, хотя по странному недоразумению свою политику легального и мирного парламентаризма они величают революционной.

Вот против такой политики легализма с присягой современному строю, против такой политической борьбы с избирательным билетом вместо оружия в руках мы, анархисты, действительно, восстаем; такую мнимую политическую борьбу мы, действительно, отрицаем... Мало того, мы стараемся всеми силами показать народу, что такая легальная политическая деятельность не только не революционная, она не только не ослабляет современный государственный и общественный строй, а, напротив, упрочивает власть правящих и эксплуататоров; приучает народ к покорности и к законности по отношению его угнетателей и грабителей. Мы настоятельно говорим народу, что легальный парламентаризм в капиталистическом государстве не только не приближает торжества социализма и не расширяет экономических, социальных и политических прав народа, а, напротив, ведет к ограничению даже существующих, революционной борьбой завоеванных народом прав. Государство и капитализм поступаются своими привилегиями только перед вооруженным, грозящим, бунтующим, нападающим народом. К величайшему прискорбию, события в Германии и Англии подтверждают наши предостережения. В то время, когда в Италии, Испании и во Франции правительства были вынуждены пойти на либеральные уступки народу и рабочим организациям, в Англии и Германии, с их многомиллионными, но мирными и легальными рабочими организациями, из года в год народные права урезаются: право стачек, свобода печати, слова, личности стали звуком пустым, особенно в Германии, где власть императора и наглость полицейского произвола напоминают нравы доброго старого дореволюционного времени. В трех названных романских государствах анархисты и их революционная борьба встречают симпатию и поддержку в народе; правящим пришлось уступить. В Англии и Германии социал-демократы, именем науки и социализма, уверили народ, что анархисты, нападающие на правителей и эксплуататоров народа, злейшие его враги, а их тактика всеобщей стачки, бунтов и взрывов — самая вредная реакция; уверили и в том, что единственно целесообразная тактика, приличная революционерам, — мирный и легальный парламентаризм с присягой верности капитализму, установленной власти и всему существующему буржуазному строю.

Конечно, легальность, терпение, умеренность и аккуратность с присягой на верность установленной власти тоже своего рода политика. Только это не политика революционеров. Мадзини и Гарибальди никогда не присягали австрийцам, папству, бурбонам² и другим итальянским правительствам, против которых они организовывали заговоры, бунты, революции. Своим соотечественникам они рекомендовали не политику мирного подчинения и легализма, а борьбу, восстание, революцию. Их пламенные прокламации звали честных людей не к избирательным урнам, а в ряды борцов и заговорщиков. Зато человечество и история и удивляются их честной, самоотверженной преданности революционеров, готовых всегда отдать все блага жизни, личное благополучие и самую жизнь за свои убеждения и идеалы.

В свою очередь, и Бланки никогда не присягал на верность монархии и второй империи, против которых он и его друзья устраивали заговоры, совершали «неудачные» нападения с оружием, а не с избирательным билетом в руках. Великий узник XIX ст. звал народ на борьбу с эксплуататорами и с угнетателями не в избирательных собраниях и даже не в парламентах... Нет. Он звал на баррикады и под знамя социальной революции с девизом

«Ni dieu, ni maitre»*.

Его девиз — наш девиз. Его призыв и призыв Мадзини и Гарибальди к борьбе, к бунту, к революции мы повторяем нашему поколению на всех языках. Как Бланки, мы объявили войну властям небесным и земным. Разрушая власть и государство, мы совершаем политический акт; разрушая капитализм и эксплуатацию человека человеком, обществом и государством — мы совершаем акт социалистов-революционеров***.

Анархизм объединил политику и социализм, выработал синтез революции: революционной борьбой разрушать одновременно государственный и капиталистический строй, угнетающие человечество.

* Ни бога, ни начальства.

** *Это выражение надо понимать в настоящем его смысле, а не как П. С. Р. — Ред.